

Владимир КАЗАДАЕВ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В СЛОВАКИИ

В статье автор делает попытку определить наиболее существенные тенденции в развитии многопартийности и политического плюрализма в Словакии.

In the article the author tries to identify the most significant trends in the development of political pluralism and multiparty system in Slovakia.

Ключевые слова:

Словакия, партийная система, политическая конкуренция; Slovakia, party system, political competition.

Словакия представляет собой один из примеров повторного демократического транзита на пространстве посткоммунизма, причем успешного. Первая попытка построения политической демократии была предпринята после «бархатной революции» 1989 г. и прервана установлением так называемого мечьяризма. Его можно определить как систему политического властвования, имеющую тенденцию к перерождению в авторитарный режим при сохранении демократических институтов и процедур, манипулирование которыми, а также использование криминальных структур позволяет минимизировать влияние оппозиции в обществе¹. Поскольку мечьяризм не устраняет самих демократических процедур, выборы стали главным механизмом его преодоления в 1998 г.

По поводу значения избирательной кампании 1998 г. и ее результатов в научной литературе звучат разные оценки. Большинство исследователей рассматривают выборы 1998 г. в качестве поворотного момента в процессе выхода Словакии из состояния посткоммунизма. Так, Ю.А. Щербакова полагает, что выборы повлекли за собой «изменения политического стиля, господствовавшего в стране на протяжении четырех лет — 1994—1998. В этих выборах не было очевидного победителя, но был, безусловно, проигравший — это правительственная коалиция во главе с Мечьяром»². Словацкие исследователи подчеркивают, что к концу 1990-х г. произошли существенные сдвиги в электоральной мотивации граждан. Я. Бунчак, сравнивая результаты анализа ценностей, признаваемых населением в начале и в конце десятилетия, обнаруживает не радикальные перемены, но заметные сдвиги в их содержании. Наиболее выразителен сдвиг в оценке сферы политики, важность которой в глазах людей значительно снизилась. В 1991 г. с политической связывались большие надежды, а в конце 90-х гг. от нее уже ничего особенно хорошего или полезного не ждали»³. Я. Стена указывает, что основы электоральной активности лежали в сфере социальных отношений. «Избиратели были не удовлетворены состоянием словацкого здравоохранения, жизненным уровнем, криминализацией общественной жизни, безработицей, уровнем оплаты труда и пенсионного обеспечения. В предвыборной мотивации насе-

КАЗАДАЕВ

Владимир

Александрович —
аспирант

Саратовского

социально-
экономического
института РЭУ

им. Г.В. Плеханова

kazadaev.v@

yandex.ru

¹ Тарасов И.Н. Парламентские выборы в Словакии: преодолен ли мечьяризм? // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2003, № 4.

² Щербакова Ю.А. Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии (конец 80-х — 90-е годы XX в.): монография / ИНИОН РАН, Отд. Восточной Европы; отв. ред. Ю.И. Игрицкий — М., 2004, с. 100.

³ Бунчак Я. Изменения в ценностной системе населения Словакии после 1989 г. // Социологические исследования, 2004, № 7, с. 9.

ления стремление к обновлению демократии занимало лишь 15-е место»¹.

Существенные перемены произошли в структуре партийной системы Словакии. И.Н. Тарасов, определяя общую периодизацию трансформации партийных систем в посткоммунистическом ареале, показывает, что современный этап развития партиом Центрально-Восточной Европы охватывает период, начиная с 1997/1998 г., когда в основном сложился действующий состав политических сил. Главной характеристикой исследователь называет стремление к стандартизации организационной структуры политических партий, их отношений между собой на фоне смены фаз расширения и сокращения открытой межпартийной конкуренции².

Американский исследователь К. Диган-Краузе полагает, что успех повторной демократизации в Словакии связан с реформированием партийной системы страны, а также упрочением института выборов³. Открытая идейная конкуренция политических партий позволила в течение двух электоральных циклов (1998–2002, 2002–2006 гг.) создать устойчивую конфигурацию электоральных предпочтений, сохранить политическую стабильность. Избирательная кампания и результаты выборов 2002 г. зафиксировали факт преодоления мечьяризма. Демократическая коалиция сумела сформировать правительство, опираясь на парламентское большинство, несмотря на то, что партия В. Мечьяра – Движение за демократическую Словакию (ДЗДС, позднее Народная партия, НП-ДЗДС) – оказалась инкубентом, получив 19,5% голосов избирателей.

В целом, за последние годы уровень волатильности электоральных предпочтений снижается, что наглядно показывает расчет индекса М. Педерсена. Данный индекс является оптимальным для исследования динамических свойств партийных систем, поскольку отражает общие черты и различия между диахрони-

ческими паттернами партийных систем, а также достаточно легко интерпретируется теоретически значимым способом⁴.

Индекс рассчитывается по формуле:

$$V = \frac{\sum_{i=1}^n [P_{it} - P_{i(t+1)}]}{2},$$

где V – волатильность,

P_{it} – начальный электоральный показатель (% голосов) на выборах одного цикла,

$P_{i(t+1)}$ – конечный электоральный показатель того же цикла (% голосов).

Таблица 1

Показатели электоральной волатильности, %

1994–1998	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2012
28,05	31,85	30,05	24,3	18,9

Другие показатели также свидетельствуют о тенденции к стабилизации партийной системы Словакии. Устойчивым остается число парламентских фракций: во всех созывах Национального совета, кроме созыва 2002–2006 гг., их было 6. Вместе с тем сохраняется проблема определения линий идеологического противостояния. От выборов к выборам спектр парламентских партий остается в целом стабильным. Примечательно, что Национальный совет Словакии (НС) все более становится центристским, но не столько в силу укрепления политического центра, сколько из-за ослабления правоконсервативных партий (см. табл. 2).

Роль политического центра незначительна. Центристы, представленные в парламенте с 1998 г., увеличили в 2002 г. свое представительство в 2 раза, однако в 2006 г. ни одна центристская партия не получила парламентского статуса. Перманентный кризис центра – характерная черта словацкой партийной системы. Центр оформлен слабо, его составляют вновь возникающие субъекты, позиционирующие себя как находящиеся «над схваткой». Нетрудно заметить, что влияние левых значительно изменилось. Если в 2002 г. их представительство в парламенте

¹ Stena J. Parlamentné vol'by 1998 v SR – uskutočnená výzva // Sociológia, 1999, № 1, s. 33.

² Тарасов И.Н. К проблеме общей периодизации трансформации партийных систем стран Центрально-Восточной Европы // Наука и общество, 2012, № 1, с. 107–111; Тарасов И.Н. Опыт компаративного исследования партийных систем // Проблемы гуманитарных наук: история и современность, 2007, вып. 3.

³ Deegan-Krause K. Slovakia's Second Transition // Journal of Democracy, 2003, vol. 14, № 2, p. 65–79.

⁴ См.: Гусев Н.В. Факторы электоральной подвижности в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник Пермского университета, 2010, вып. 1, с. 25–30.

Таблица 2

Число фракций в НС по идеологической направленности

Парламентские клубы/ каденция	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2012	с 2012
Правые (правоцентристские)	3	4	4	3	2
Левые (левоцентристские)	2	2	2	2	2
Центристские	1	1	0	1	2

Таблица 3

Число депутатов фракций НС по идеологической направленности

Число депутатов/каденция	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2012	с 2012
Правые (правоцентристские)	70	78	85	52	27
Левые (левоцентристские)	65	47	65	84	94
Центристские	12	25	0	14	28

Таблица 4

Показатели распределения голосов избирателей, %

Год выборов	1998	2002	2006	2010	2012
Инкумбент	ДЗДС		«Смер»		
Явка избирателей	83,5	70,1	54,7	58,7	59,1
Доля инкумбента	27,0	19,5	29,1	34,8	44,4
Доля голосов внепарламентских партий	5,8	18,2	6,7	7,2	10,5

составляло лишь 1/3, то в 2006 г. популярность партии «Смер – Социальная демократия» поправила положение левых в Словакии. Напротив, правые, пройдя пик электоральной поддержки в 2006 г., оказались вытесненными на периферию парламентской политики (см. табл. 3).

Оценивая внутривыборную ситуацию в Словакии после выборов 2006 г., А. Хорват вполне наглядно показал, что для этой страны вовсе не характерно противостояние левых и правых, либералов и консерваторов. Более заметен раскол между популистско-националистическим и умеренным истеблишментом¹. Новые партии и коалиции, как правило, формируются не на идеологической, а на конъюнктурной основе.

Явной стала тенденция к сокращению электорального поля межпартийной конкуренции (см. табл. 4). На основе показателей политического участия и распре-

деления долей (%) инкумбента, парламентских и внепарламентских партий нами был построен несложный график, демонстрирующий «стягивание» поля электоральной конкуренции после 1998 г., главными факторами которого являются падение явки избирателей и стремление инкумбента доминировать на политической арене (см. рис. 1).

Диаграмма наглядно показывает, что выборы 1998 и 2006 гг. по показателям распределения поддержки политических сил вполне сопоставимы. Единственный показатель, который позволяет говорить о важном политическом значении выборов 1998 г. – это беспрецедентная явка словацких избирателей (83,5%). Вполне вероятно, что результат выборов 2012 г. является пиковым значением для «Смер», однако в настоящей момент просматривается тенденция доминирования партии на словацкой политической сцене. Проблема заключается в неопределенности среднесрочной оценки такого доминирования. Расчет числа эффективных партий не дает оснований для однозначного вывода.

Показатели эффективного числа элек-

¹ Хорват А. Стабилизация и концентрация в системах политических партий: опыт стран Восточной Европы // Вестник Поволжской академии государственной службы, 2008, № 1, с. 49–53.

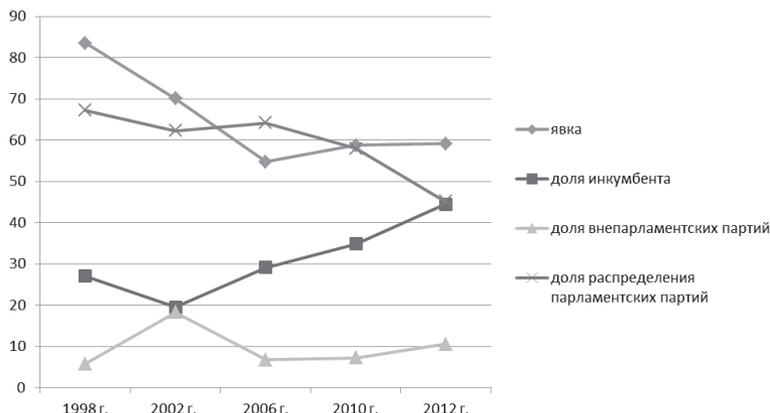

Рисунок 1. Поле электоральной конкуренции в 1998–2012 гг.

торальных и парламентских партий позволяют математически определить уровень «справедливости» распределения мест в парламенте.

Показатель N был предложен Р. Таагеперой и М. Лааксо¹ и подсчитывается по следующей формуле:

$$N = \frac{1}{\sum p_i^2},$$

где p_i — это доля голосов (мест), полученных i -й партией на выборах или при распределении мест в парламенте.

Различия показателей эффективного числа электоральных и парламентских партий сближаются корректирующей формулой, предложенной Х. Молиаром²:

$$N_p = 1 + N \frac{\sum v_i^2 - v_1^2}{\sum v_i^2},$$

где N_p — индекс Лааксо и Таагеперы, v_1 — доля партии победителя.

Расчет числа эффективных партий фиксирует явную тенденцию к сокращению поля межпартийной конкуренции за счет малых партий (см. табл. 5). По мнению А. Лейпхарта, «если эффективное число парламентских партий ниже, чем эффективное число электоральных партий, это будет означать, что избирательная

система диспропорциональна и благоприятствует большим партиям в ущерб малым»³. А если опираться на мнение Дж. Сартори о критериях доминирования (контроль не менее 50% мест при победе в трех кампаниях подряд)⁴, то мы должны увидеть в Словакии доминантную партийную систему. Такие показатели дают лишь некоторое основание для квалификации партийной системы современной Словакии как доминантной (см. табл. 6).

Все же доминирование «Смер» выглядит не вполне убедительным, поскольку в трех последних по времени выборах именно эта партия оказывалась инкубентом и контролировала от 30 до 55% мест в Национальном совете, а на выборах 2010 г., даже получив большинство голосов избирателей, не смогла сформировать правительство.

В этой связи важнейшей характеристикой словацкой партийной системы выступает коалиционный потенциал политических партий. За все время существования независимой Словакии лишь в 2012 г. было сформировано однопартийное правительство, чего не было даже при мечьяризме и высокой популярности ДЗДС. Правоцентристские кабинеты М. Дзуринды (1998–2006) и И. Радичовой (2010–2012) представляли собой коалиции, которые в разные периоды состояли из представителей от 4 до 8 политических субъектов. Кабинет Р. Фицо в 2006–2010 гг.

¹ Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies, 1979, vol. 12, № 1, p. 3–27.

² Molinar J. Counting the Number of Parties: an Alternative Index // American Political Science Review, 1991, vol. 85, № 4, p. 1383–1391.

³ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems. A Study of Twenty-Seven Democracies 1945–1990. — Oxford, 1994, p. 76.

⁴ Sartori G. Parties and Party System: A Framework for Analysis. — Cambridge, 1976.

Таблица 5

Эффективное число политических партий

Год выборов	Индекс М. Лааксо и Р. Таагеперы		Индекс Х. Молинера
	электоральный	парламентский	
1998	5,3	2,0	2,8
2002	7,0	2,8	3,6
2006	6,2	2,1	2,8
2010	5,7	1,8	2,4
2012	4,4	1,3	1,6

Таблица 6

Тип партийной системы по индексу эффективного числа партий

Автор	Тип партийной системы по индексу эффективного числа партий				
С. Мэйнворинг, Т.Р. Скулли ¹	Доминант- ная	Двух- партийная	Двух с половиной партийная 1998 2006	Ограниченный плюрализм	Крайний плюрализм
	<1,8	1,8–2,4	2,5–2,9	3–3,9	>3
М. Коппедж ²	Доминант- ная 2012	Двухпартийная 2010		Умеренная многопартий- ность 2002	Крайняя многопартий- ность
	<2	2–2,9		3–5	>5

¹ Mainwaring S., Scully T.R. Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. – Stanford, 1995. См. также: Bogaards M. Counting Parties and Identifying Dominant Party System in Africa // European Journal of Political Research, 2004, № 43, p. 173–197.

² Coppedge M. The Dynamic Diversity of Latin American Party Systems // Party Politics, 1998, vol. 4, № 4, p. 561.

лишь с большой долей условности можно назвать левоцентристским. Как видим, праволиберальные партии в Словакии обладают большим коалиционным потенциалом, одной из причин которого является заметная фрагментация идеологического спектра. Именно слабый коалиционный потенциал «Смер» заставил партию в кампании 2012 г. выстраивать стратегию доминирования¹. Напротив, оппозиция, ядром которой является Словацкий демократический и христианский союз (СДХС), в поиске новых партнеров не имеет существенных затруднений. Еще одним потенциально заметным игроком на словацкой политической сцене М. Рыбарж и К. Диган-Краузе называют прокоммунистические политические субъекты². С уче-

том такого положения партии нынешнего премьер-министра Р. Фицо тенденция к формированию доминантной партийной системы в стране не может быть оценена как устойчивая в среднесрочной перспективе.

Таким образом, словацкая партийная система обладает основными характеристиками, которые присущи современному этапу развития партиом Центрально-Восточной Европы: это стандартизация политических субъектов и отношений межпартийной конкуренции, стабилизация парламентского представительства и уменьшение волатильности электоральных предпочтений. Вместе с тем тенденция к формированию двухпартийной (двухблоковой) партийной системы просматривается плохо, равно как нет достаточных оснований говорить о долговременности тенденции к доминированию одной партии на политической сцене республики.

¹ См.: Grotz F., Weber T. Party Systems and Government Stability in Central and Eastern Europe // World Politics, 2012, vol. 64, № 4, p. 699–740.

² Rybář M., Deegan-Krause K. Slovakia's Communist Successor Parties in Comparative Perspective // Communist and Post-Communist Studies, 2008, № 41, p. 497–519.